

УДК 343.3/.7

Дмитрий Константинович БОКОВ,

проректор Университета прокуратуры
Российской Федерации (г. Москва),
кандидат юридических наук

dimbok@mail.ru

УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ НА ИНФРАСТРУКТУРУ ТЕРРОРИЗМА В КОНТЕКСТЕ ТЕОРИИ РАННЕГО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПНОСТИ

CRIMINAL AND LEGAL IMPACT ON THE INFRASTRUCTURE OF TERRORISM IN THE CONTEXT OF THE THEORY OF EARLY CRIME PREVENTION

«Превентивный поворот» в стратегии уголовно-правового противодействия терроризму, состоявшийся на рубеже XX и XXI столетий, сопровождается переориентацией контртеррористических мер в сторону профилактической работы, смещением вектора уголовно-правового воздействия в направлении деяний, детерминирующих террористическую активность, т.е. образующих инфраструктуру терроризма. В сфере уголовного законотворчества наиболее заметным результатом превентивного «сдвига» стали новые нормативные основания уголовной ответственности за финансирование и иное материально-техническое обеспечение терроризма, вербовку членов террористических групп, пропаганду терроризма и другие деяния, создающие возможности и условия для совершения террористических нападений. В результате уголовно-правовое воздействие стало восприниматься не только и не столько в качестве инструмента реагирования на уже совершенный террористический акт, сколько в качестве ведущей меры предупреждения терроризма.

В статье доказывается, что новый вектор антитеррористической уголовной политики базируется на постулатах концепции раннего уголовно-правового предупреждения преступности; рассматриваются основные направления раннепревентивного уголовно-правового воздействия на деяния, выступающие в качестве инфраструктуры терроризма.

The «preventive turn» in the strategy of criminal and legal counteraction to terrorism, which took place on a boundary of the 20th and 21st centuries, is followed by a reorientation of counter-terrorism measures towards preventive work, a shift in the vector of criminal and legal impact in the direction of acts that determine terrorist activity, i.e., forming the infrastructure of terrorism. In the sphere of criminal lawmaking, the most noticeable result of the preventive «shift» was the new normative grounds for criminal liability for financing and other logistical support for terrorism, recruiting members of terrorist groups, promoting terrorism and other acts that create opportunities and conditions for committing terrorist attacks. As a result, criminal and legal impact began to be perceived not only and not so much as an instrument of response to an already committed terrorist act, but as a leading measure for preventing terrorism.

The article proves that the new vector of anti-terrorist criminal policy is based on the postulates of the concept of early criminal and legal prevention of crime; the main directions of early preventive criminal and legal influence on deeds that acting as the infrastructure of terrorism are considered.

Ключевые слова: инфраструктура терроризма, ранняя уголовно-правовая превенция, раннее предупреждение терроризма, сверххранящая профилактика терроризма.

Keywords: infrastructure of terrorism, early criminal and legal prevention, early prevention of terrorism, over the early prevention of terrorism.

Превентивный «поворот» в стратегии уголовно-правового противодействия терроризму, состоявшийся на рубеже XX и XXI столетий, сопровождается переориентацией контртеррористических мер в сторону профилактической работы, смещением вектора уголовно-правового воздействия в направлении деяний, детерминирующих террористическую активность, т.е. образующих инфраструктуру терроризма [подр.: 4, с. 361-369]. В сфере уголовного законотворчества наиболее заметным результатом превентивного «сдвига» стали новые нормативные основания уголовной ответственности за финансирование и иное материально-техническое обеспечение терроризма, вербовку членов террористических групп, пропаганду терроризма и другие деяния, создающие возможности и условия для совершения террористических нападений. В результате уголовно-правовое воздействие стало восприниматься не только и не столько в качестве инструмента реагирования на уже совершенный террористический акт, сколько в качестве ведущей меры предупреждения терроризма.

Триггером для столь существенной трансформации антитеррористической стратегии стал резкий, и притом глобальный, всплеск террористической активности в конце 1990-х годов и в начале века нынешнего, который ощутили практически во всех регионах мира: в США (в этом контексте, конечно же, нельзя не вспомнить беспрецедентный террористический акт в Нью-Йорке в 2001 г.), Европе и в России. Вместе с тем было бы ошибкой считать, что смена вектора уголовно-правового противодействия терроризму (с ретроактивного на проактивный) имеет исключительно конъюнктурный, ситуативный характер. Представляется, что профилактические «акценты» в уголовно-правовом противодействии террористической угрозе «расставлены» вовсе не случайно, не по наитию субъектов соответствующих уголовно-политических и законотворческих решений. Соответствующие превентивные конструкции стали результатом сознательной и целенаправленной практической реализации ряда теоретических и уголовно-политических

концептов, которые к тому моменту уже существовали в политико-правовом пространстве и оказались крайне востребованы в конкретном историческом моменте.

Более того, данные конструкты постепенно стали экстраполироваться и на смежные области общественных отношений – уголовно-процессуальные, уголовно-исполнительные. Так, в специальных исследованиях справедливо отмечается важность широкого использования превентивных институтов в противодействии проявлениям терроризма и экстремизма в местах лишения свободы [13, с. 11-14].

К сожалению, в пояснительных записках к законопроектам и иных материалах законопроектной деятельности редко можно обнаружить отсылки к научным теориям. Однако само содержание уголовно-правовых нормы об ответственности за деяния, образующие инфраструктуру терроризма, показывает, что формировались эти нормы под идейным влиянием доктринальных разработок и концепций.

В частности, в современной стратегии уголовно-правового воздействия на инфраструктуру терроризма явно прослеживаются постулаты теории раннего предупреждения преступности. Известная криминологическая аксиома, сформулированная Ч. Беккариа, гласит, что «лучше предупреждать преступления, чем карать за них» [3, с. 150]. Современная криминология, построенная на базе этой аксиомы, дополняет ее тезисом о приоритете ранней профилактики преступлений [11], которая с полным основанием считается «важнейшей и в принципе наиболее результативной стадией превентивного процесса» [2, с. 267-269].

Превентивный акцент на факторы, проявляющие себя на начальных этапах механизма преступного поведения, проявляется как на уровне собственно криминологической профилактики [9; 1, с. 181-182; 12, с. 21], так и на уровне уголовно-правового воздействия, «мишенью» которого становятся не только оконченные преступления, но и ранние стадии преступной деятельности (так называемые «предпреступления») – сговор на совершение преступного деяния, приискание

орудий и средств преступления, вовлечение в преступную деятельность и т.п.

Отправной точкой теории раннего уголовно-правового предупреждения можно считать пересмотр представлений о преступлении и его сущностном свойстве – общественной опасности. Долгое время общественная опасность преступления воспринималась и оценивалась сквозь призму реально причиненного ущерба. Однако в середине прошлого века происходит в дискурсе об общественной опасности преступлений существенный сдвиг: акцент переносится на возможность (курсив мой. – Д.Б.) причинения вреда, что закономерным образом приводит к расширению оснований уголовной ответственности за счет нормативных конструкций, позволяющих криминализовать деяния, создающие угрозу охраняемым социальным ценностям, но не причинившим реального вреда [10, с. 62-63].

Идеи раннего уголовно-правового предупреждения оказались крайне востребованы в контртеррористической политике. В ответ на глобальную террористическую угрозу национальные государства и международное сообщество в целом резко активизировали раннепрофилактический потенциал уголовного закона, что выразилось в расширении оснований уголовной ответственности за деяния, которые целенаправленно создают возможность совершения террористических актов, т.е. образующих инфраструктуру терроризма.

В отечественном праве традиционными инструментами ранней, упреждающей уголовно-правовой профилактики считаются институт неоконченного преступления, а также нормы об ответственности за создание организованных преступных групп, за вовлечение в совершение преступления и антиоб-

щественную деятельность [7, с. 52]. Однако их раннепрофилактический потенциал объективно лимитирован, поскольку:

– приготовление предполагает умышленное создание условий для совершения конкретного преступления¹, вследствие чего подготовка к террористической деятельности с неконкретизированным умыслом (например, предоставление финансовых средств «на борьбу с неверными», обучение лица в террористических целях правилам обращения с оружием, взрывными устройствами, тактике ведения боевых действий, прохождение такого обучения в отсутствие сговора на совершение конкретного преступления) не признается приготовлением;

– уголовная ответственность наступает лишь за приготовление к тяжким и особо тяжким преступлениям (ч. 2 ст. 30 УК РФ), что оставляет вне зоны действия ранней профилактики приготовление к преступлениям небольшой и средней тяжести;

– УК РФ не предусматривает ответственности за создание организованной преступной группы как таковой, криминализуя создание лишь отдельных видов преступных объединений. Причем их перечень довольно ограничен: достаточно упомянуть, что УК РФ долгое время не признавал самостоятельным преступлением образование преступных групп террористической направленности, вследствие чего подобные действия могли быть квалифицированы лишь как приготовление к преступлению (опять же, при условии, что группа создана для совершения конкретного тяжкого или особо тяжкого преступления);

– в первоначальной редакции УК РФ в его Особенной части предусматривалась ответственность за вовлечение в совершение преступления только несовершеннолетних

1 Как отмечается в практике Конституционного Суда Российской Федерации, «приготовление предполагает наличие прямого умысла, направленного на совершение конкретного преступления. Это обязывает органы, осуществляющие уголовное преследование, не только установить в ходе расследования и судебного рассмотрения уголовного дела сам факт приготовления к преступлению, но и доказать наличие умысла на его совершение применительно к конкретному деянию (п.п. 1 и 2 ч. 1 ст. 73 УПК РФ). Следовательно, признание лица виновным в приготовлении к преступлению возможно лишь в том случае, если в ходе производства по уголовному делу судом будет установлен факт того, что лицом предпринимались перечисленные в ч. 1 ст. 30 УК РФ действия, свидетельствующие о его реальном намерении совершить преступление, которое лишь в силу не зависящих от этого лица обстоятельств не было доведено до конца» (определения Конституционного Суда РФ от 13.10.2009 N 1187-О-О, от 21.04.2011 N 573-О-О, от 17.07.2012 N 1464-О, от 20.02.2014 N 408-О, от 28.09.2017 N 2164-О, от 21.07.2022 N 2058-О).

(ст. 150 УК РФ), тогда как склонение взрослых лиц к преступному поведению могло получить уголовно-правовую оценку лишь с точки зрения института соучастия с его ограниченными акцессорными рамками либо с позиций нормы о приготовлении к преступлению (в случае неудавшегося подстрекательства).

Таким образом, арсенал раннепревентивных уголовно-правовых средств явно не соответствовал потребностям упреждающей, проактивной борьбы с терроризмом на ранних стадиях террористической активности. «Превентивный поворот» в сфере антитеррористической уголовной политики требовал такого расширения нормативных оснований уголовной ответственности, которое позволило бы осуществлять уголовно-правовое воздействие, не дожидаясь, пока криминогенная деятельность приобретет признаки приготовления к конкретному террористическому акту.

Активизация раннепрофилактического потенциала отечественного уголовного закона осуществлена посредством реализации следующих мер:

1) криминализация деяний, создающих возможность и условия для совершения террористических нападений, посредством конструирования самостоятельных оснований уголовной ответственности за различные формы содействия террористической деятельности (ст. 205.1 УК РФ), за публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма или пропаганду терроризма (ст. 205.2 УК РФ), за прохождение обучения в целях осуществления террористической деятельности (ст. 205.3 УК РФ), за организацию террористического сообщества и участие в нем (ст. 205.4 УК РФ), организацию деятельности террористической организации и участие в деятельности такой организации (ст. 205.5 УК РФ). Для привлечения к уголовной ответственности за эти деяния не требуется жесткой объективной и субъективной связи с конкретным преступлением террористического характера, что позволяет применять уголовно-правовую репрессию на ранних этапах преступной деятельности, вне зависимости

от ее результативности (привела ли она к совершению террористического акта или нет) и субъективной определенности (степени конкретизированности умысла);

2) перенос момента юридического окончания преступлений, предусмотренных ст. 205.1-205.5 УК РФ, на начальный этап преступной деятельности. Так:

– вовлечение лица в совершение преступлений террористического характера признается юридически оконченным преступлением с момента совершения действий, направленных на вовлечение, независимо от их результативности (абз. 2 п. 14 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 февраля 2012 г. N 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» (далее – Постановление));

– вооружение лица в целях совершения террористических преступлений считается юридически оконченным с момента предоставления лицу, участвующим в террористической деятельности, хотя бы одного предмета вооружения; подготовка лиц в указанных целях – с момента начала обучения; финансирование терроризма – с момента начала сбора или предоставления средств;

– публичные призывы к осуществлению террористической деятельности (ст. 205.2 УК РФ) признаются юридически оконченным преступлением с момента публичного провозглашения (распространения) хотя бы одного обращения независимо от того, удалось побудить других граждан к осуществлению террористической деятельности или нет (п. 20 Постановления);

– юридическим окончанием прохождения лицом обучения для осуществления террористической деятельности (ст. 205.3 УК РФ) признается начало выполнения действий, направленных на приобретение соответствующих знаний, умений и навыков (абз. 2 п. 22.1 Постановления);

– время юридического окончания создания террористического сообщества (ч. 1 ст. 205.4 УК РФ) сдвинуто на момент объединения двух или более лиц в устойчивую группу в целях осуществления террористической деятельности либо для подготовки или совершения од-

ного либо нескольких террористических преступлений (абз. 1 п. 22.3 Постановления);

– при этом участие лица в террористическом сообществе (ч. 2 ст. 205.4 УК РФ) считается оконченным уже с момента вхождения в состав такого сообщества с намерением участвовать в осуществлении террористической деятельности (абз. 2 п. 22.5 Постановления).

Следует подчеркнуть: новые нормативные конструкции, предусматривающие ответственность за деяния, которые образуют инфраструктуру терроризма, позволяют осуществлять уголовно-правовую превенцию не только на ранних, но и на сверх ранних стадиях террористической активности – на этапе создания предпосылок для формирования террористической мотивации и преступного умысла. В рамках традиционного уголовно-правового инструментария ранняя превенция имеет объективные пределы, связанные с тем, что «классическое» уголовное право не допускает уголовной ответственности за «голый» умысел, если он не воплотился в конкретных действиях (акте бездействия), направленных на совершение преступления. Новые нормативные конструкции, сформулированные в рамках реализации проактивной стратегии противодействия терроризму, позволяют преодолеть эти пределы. Конечно же, они не предполагают возложения ответственности за обнаружение умысла – это явно не согласуется с базовыми началами уголовного права (с его принципами, с законодательным определением преступления как деяния). Речь идет о другом: о возможности раннего уголовно-правового воздействия на лиц, создающих возможности и условия для криминального «заражения» других людей, формирующих привлекательность терроризма и тем самым способствующих зарождению террористической мотивации.

Специфика нормативных оснований раннего уголовно-правового предупреждения терроризма заключается в том, что они имеют широкую адресную направленность. Эти нормативные конструкции позволяют осу-

ществлять уголовно-правовое воздействие не только на потенциального исполнителя террористического акта на ранних стадиях реализации его умысла, но и на обширный круг лиц, которые создают возможности и условия для самого зарождения и формирования такого умысла. В этом смысле норму об ответственности за публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма или пропаганда терроризма (ст. 205.2 УК РФ) можно считать инструментом сверхранней профилактики. Статья 205.2 УК РФ призвана не допустить формирование привлекательного образа терроризма, который может привлечь в ряды террористических объединений новых сторонников.

Таким образом, в законотворческой практике и праворазъяснительной деятельности Пленума Верховного Суда Российской Федерации реализована базовая идея ранней профилактики – противодействовать преступности (в нашем случае – терроризму) нужно как можно раньше, с момента возникновения криминогенных рисков, не дожидаясь, пока эти риски трансформируются в реальную возможность совершения преступления, а тем более воплотятся в фактически причиненном вреде.

Раннепрофилактическое изменение вектора уголовной политики – это не конъюнктурное явление, ограниченное лишь рамками отечественной правовой системы, а глобальная тенденция, которая прослеживается практически во всех развитых правовых порядках, вне зависимости от их принадлежности к той или иной правовой семье. В стремлении купировать криминогенные риски на самой начальной стадии детерминационного процесса законодатели разных, порой весьма непохожих стран создают сходные по сути юридические конструкции, нацеленные на противодействие «пред-преступлениям» [5, с. 301-306; 8, с. 153-164], что свидетельствует об универсальной закономерности развития уголовного права¹.

1 По справедливому заключению А.Л. Гуриной, для современных превентивных стратегий характерно то, что «они направлены на предотвращение преступных действий и актов терроризма в будущем путем воздействия на факторы, которые в причинно-следственной цепи достаточно далеко отстоят от непосредственно подготовки и исполнения террористического акта, если и вообще являются звеньями этой цепи» [6, с. 52].

Библиографический список

1. Антонян, Ю.М. Криминология : учебник для бакалавров / Ю.М. Антонян. – М.: Юрайт, 2012.
2. Бабаев, М.М. Очерки криминальной рискологии : монография / М.М. Бабаев, Ю.Е. Пудовочкин. – М.: Юрлитинформ, 2021.
3. Беккариа, Ч. О преступлениях и наказаниях / Ч. Беккариа ; сост. и предисл. В.С. Овичинский. – М.: Инфра-М, 2004.
4. Боков, Д.К. Инфраструктура терроризма: понятие и сущность / Д.К. Боков // Всероссийский криминологический журнал. – 2024. – Т. 18. – N 4 (82).
5. Гуринская, А.Л. Англо-американская модель предупреждения преступности : дис. ... докт. юрид. наук / А.Л. Гуринская. – СПб., 2018.
6. Гуринская, А.Л. Превентивные подходы в современной уголовной политике (на примере стратегии Prevent, Великобритания) / А.Л. Гуринская // Научное мнение. Экономические, юридические и социологические науки. – 2017. – N 2.
7. Зайко, Т.М. Меры борьбы с преступностью несовершеннолетних и молодежи: правовой и психолого-криминологический аспекты : монография / Т.М. Зайко. – Тамбов: ООО «Консалтинговая компания Юком», 2017.
8. Дунмэй, П. Сравнительно-правовой анализ института соучастия в преступлении в Китае и России Пан Дунмэй // Lex russica. – 2020. – N 2.
9. Проблемы ранней профилактики правонарушений несовершеннолетних / под ред. Г.М. Миньковского. – М.: Всесоюз. ин-т изуч. причин и разраб. мер предупреждения преступности, 1978.
10. Пудовочкин, Ю.Е. Концепт «риск» и проблемы уголовно-правовой науки / Ю.Е. Пудовочкин // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2020. – N 4 (79).
11. Сердюк, Л.В. Основы ранней профилактики преступности : учебное пособие / Л.В. Сердюк, Р.Ф. Гарифуллина, П.Л. Сердюк. – Уфа : Уфимский ЮИ МВД России, 2021.
12. Симонова, С.С. Теория и практика профилактики преступлений : учебное пособие / С.С. Симонова. – Волгоград: Изд-во Волгоградского института управления – филиала РАН-ХиГС, 2022.
13. Тепляшин, П.В. Политика «враждебной пенологии» («enemy penology»): концептуальные основы, содержание и интерпретация через призму отечественного уголовно-исполнительного законодательства / П.В. Тепляшин // Вестник Владимирского юридического института. – 2022. – N 1(62).